

М. В. Шкаровский

ВСЕРОССИЙСКИЙ ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1917–1918 гг.: ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ЖИЗНИ ЦЕРКВИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Великий Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг. был заметным явлением общехристианской истории, рядом своих решений и постановкой самих вопросов опередив весь христианский мир. Наибольшее же значение он имел для самой Русской Православной Церкви. Фактически была создана программа существования этой Церкви в новую эпоху, и, хотя многие ее принципы и положения не могли быть реализованы на практике в советский период, они продолжали жить в сознании духовенства и мирян, определяя их поступки и образ мышления. Фактически весь период существования СССР Русская Православная Церковь боролась за сохранение и возрождение принципа соборности, руководствуясь, насколько это было возможно в тех условиях, определениями Собора 1917–1918 гг. Огромный, в значительной степени до сих пор не реализованный на практике комплекс определений и опыт работы Собора сохраняют актуальность и сегодня. Лишь несколько лет назад в России началось научное исследование его деяний, и оно активно продолжается в настоящее время.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг., советский период, революция, реформы.

20 сентября 1918 г. Великий Всероссийский Поместный Собор был вынужден прекратить свою продолжавшуюся 13 месяцев работу, не завершив ее. Однако он, несомненно, стал заметным явлением общехристианской истории, рядом своих решений и самой постановкой вопросов опередив весь христианский мир. Наибольшее же значение он имел для самой Русской Православной Церкви: фактически была создана программа ее существования в новую эпоху. Многие принципы и положения программы не могли быть реализованы на практике в советский период, но они продолжали жить подспудно в сознании духовенства и мирян, определяя их поступки и образ мышления.

Среди принятых Собором постановлений следует отметить определения о восстановлении Патриаршества; привлечении женщин к деятельному участию в церковном служении; церковном проповедничестве; братствах ученых монахов; порядке прославления святых к местному почитанию и др. Успел Собор и выпустить уставы новой соборной структуры всей Церкви, основанной на началах широкой инициативы и выборности — от Патриарха до самоуправляемых приходов, узаконив значительную часть преобразований «церковной революции» 1917 г. и показав себя в этом плане «прямым наследником» предсоборных дискуссий начала XX в. Без этого обновления Русской Церкви было бы значительно сложнее пережить агрессию атеистического государства. Даже сам ход дискуссий по различным актуальным проблемам того времени: о свободе совести, равноправии конфессий, старом и новом календаре, трактовке и реализации декрета об отделении Церкви от государства и т. д. оказал заметное влияние на последующую церковную историю.

Важно отметить, что хотя Собор 1917–1918 гг. не признал законности советской власти, и Православная Церковь имела многообразные связи с дореволюционной

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (shkarovs@mail.ru).

России, она не стала вести политическую борьбу и не перешла открыто на сторону какой-либо из противоборствующих сил. Усилия Патриархии были направлены на прекращение партийных и социальных раздоров, разгоравшейся братоубийственной войны. 2 ноября 1917 г., в период боев в Москве, Поместный Собор обратился к обеим сражающимся сторонам с призывом остановить кровопролитие, не допустить расправы с побежденными. 11 ноября он принял решение об отпевании всех погибших, а также обращение к победителям в гражданской войне, призывая не осквернять себя пролитием братской крови. Этой линии Православная Церковь в основном придерживалась и в дальнейшем¹.

Начавшийся процесс подлинного обновления Русской Православной Церкви был насильственно прерван. Как справедливо писал историк Д. Поспеловский, продлился Собор в 1919 г., Церковь вступила бы в бурный XX век «живым динамичным организмом»², таким образом продвинувшись дальше по пути реформ. Октябрьский переворот, прекратив процесс возрождения Церкви, постепенно ликвидировал демократические преобразования ее жизни и дискредитировал саму идею реформаторства путем внедрения в 1920-е гг. обновленчества, по сути стал своеобразной религиозной «контрреволюцией». Кроме того, основной идеолог преобразований — либеральная церковная интеллигенция, не принимая Октябрь, и в целом занимала все более консервативные позиции. Ярво выраженная антирелигиозная направленность деятельности советского правительства, тяжелейшие удары по Церкви, нанесенные уже в течение первого года после Октябрьской революции и серьезно поколебавшие многие ее устои, также стали одной из наиболее важных причин неудачи миротворческой функции Патриархии. Антицерковные акции сильнейшим образом отразились на сознании всех основных социальных слоев России и явились существенным фактором ужесточения гражданской войны. Но реформаторский импульс Собора все же сохранялся весь XX век, и именно он во многом позволил Церкви выстоять в пору самых жестоких гонений.

В разные периоды советской истории на первый план выходили различные решения Собора. В годы гражданской войны особое значение имела его работы по активизации церковной деятельности мирян и, прежде всего, возрождению приходов. Принятый 20 апреля 1918 г. Приходской устав, утвердив единство Церкви под началом иерархии, в то же время закрепил автономность и самостоятельность прихода, предусматривалось и создание союзов приходов. Как хорошо известно, советское законодательство сводило Церковь к т. н. «пятидесяткам», а затем и «двадцаткам» — объединениям верующих граждан (прихожан) в количестве не менее 20 человек, которым и передавались по договору в пользование все церковное имущество и здания храмов. На плечи этих общин легла основная тяжесть борьбы в чрезвычайно трудный для Церкви период 1918–1920 гг. В это время разрастание гражданской войны сопровождалось новым ужесточением антирелигиозной политики коммунистической партии. Расчет строился на полном и недолгом отмирании Церкви и религии, которые определялись не иначе как предрассудки. Считалось, что их может достаточно быстро преодолеть «целенаправленная система воспитания» и «революционного воздействия», в том числе насильственного. Позднее в советской атеистической литературе этот период борьбы с Церковью получил название «бури и натиска»³.

Однако этот «натиск» потерпел неудачу, и основная причина ее заключалась в оживлении приходской, проповеднической и миссионерской деятельности Церкви. 27 января 1918 г. Собор утвердил воззвание «К православному народу», призывая верующих объединиться под церковными знаменами для защиты святынь. В различных городах страны прошли многолюдные крестные ходы, причем некоторые из них были расстреляны, в общественных местах устраивались богослужения в поддержку Патриархии, в адрес правительства отправлялись коллективные петиции и т. д.

¹ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Париж, YMCA-press, 1977. С. 217.

² Поспеловский Д. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 45.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 114.

В России начался массовый религиозный подъем. В 1918 г. к Православной Церкви, гонимой, а не господствующей, как ранее, пришли тысячи новообращенных, в том числе видные представители интеллигенции. Распространению религиозности способствовали и бедствия гражданской войны. В Петрограде, а затем по всей стране создаются массовые организации — союзы, братства, комитеты мирян и т. д. Возникает «Всероссийский союз объединенных приходов Православной Церкви»⁴.

В Москве в марте 1918 г. создан Совет объединенных приходов, организованный и возглавляемый А. Д. Самариним и Н. Д. Кузнецовым, ставивший своей задачей защиту храмов и монастырей, которым угрожало закрытие. Совет издавал «Еженедельник», где публиковал свои постановления, сформировал группу охраны Патриарха на Троицком подворье, когда Первосвятителю угрожала расправа. В северной столице особенно заметную роль играло Братство приходских советов Петрограда и епархии, позднее преобразованное в Общество православных приходов Петрограда, а всего в городе на Неве в годы гражданской войны возникло более 20 братств, в основном созданных наиболее активными приходскими общинами. Они провели две конференции, на одной из которых был принят примерный общебратский устав, избран совет общебратского союза, просуществовавший до весны 1922 г.⁵

В отличие от дореволюционных времен теперь главной целью братств было духовное воспитание христиан, способных сохранить жизнь по вере в условиях гонений. Особую роль сыграло созданное в Петрограде в январе 1918 г. Александро-Невское братство, которое помогло спасти от ликвидации в это время Александро-Невскую Лавру. Находясь под «дамокловым мечом» репрессий в течение всех лет своего существования, братство проявляло удивительную активность и разнообразие видов деятельности. История братства свидетельствует о том, что оно было одной из самых оптимальных форм объединения верующих в условиях безбожных гонений. Александро-Невское братство представляло собой живой динамичный организм — конкретные виды и формы его работы и внутренней жизни неоднократно менялись с учетом изменения общественно-политических и социальных условий. В известном смысле Александро-Невское братство являлось стержнем жизни епархии, на протяжении четырнадцати лет играя заметную роль во всех важнейших событиях этой жизни, в частности активно борясь с обновленческим расколом и противодействуя иосифлянскому разделению.

Важным направлением деятельности братства являлось создание полуполюгальных монашеских общин в миру, а также монашеские постриги молодых людей (в том числе тайные) с целью сохранения института монашества в условиях массового закрытия существовавших ранее обителей. Братские отцы всегда считали одной из основных своих задач подготовку молодых образованных священнослужителей, что в условиях ограничения, а затем и полной ликвидации духовного образования позволило бы сохранить кадры духовенства, способного в будущем осуществить возрождение Церкви. Деятельность братства очень помогала сплочению верующих всех возрастов и сословий перед лицом яростных антицерковных гонений. К 1932 г. продолжался приток образованных молодых людей — студентов, аспирантов, учащихся техникумов и т. д. Численность братчиков редко превышала 100 человек, но это была выдающаяся по своим духовным качествам группа верующих.

Все руководители братства, кроме будущего митрополита Ленинградского Гурия (Егорова), погибли в 1936–1938 гг., почти полностью было уничтожено и первое поколение молодых монахов, принявших постриг до 1932 г. Но в основном уцелели те братчики, которые на момент разгрома еще являлись подростками. Именно из этого

⁴ Церковные ведомости. 1918. № 3–4. С. 20–22; Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. 27 февраля, 4 мая; Центральный государственный архив С.-Петербурга. Ф. 143. Оп. 3. Д. 5. Л. 48–53, 72–73.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Д. 713. Л. 170–176; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по С.-Петербургу и Ленинградской области, д. П-88399.

слова вышли четыре будущих видных архиерея — митрополиты Иоанн (Вендланд), Леонид (Поляков), архиепископы Никон (Фомичев), Михай (Хархоров), а также другие священнослужители. Семена, посеянные братскими отцами, дали свои благодатные всходы. Если бы не ужасные репрессии 1930-х гг., таких «всходов» было бы гораздо больше⁶.

Весь период гражданской войны действовали созданные Собором органы Высшего церковного управления — состоящий из архиереев Священный Синод под председательством Патриарха и Высший Церковный Совет (ВЦС), включавший кроме Патриарха и трех членов Синода представителей приходского духовенства, монашествующих и мирян. Определение от 20 сентября 1918 г. предоставляло Патриарху полномочия созвать очередной Собор весной 1921 г. Предусматривалось также, что избранные члены Синода и ВЦС сохраняют свои полномочия до избрания нового состава этих органов очередным Собором. Таким образом, была заложена норма регулярного проведения Поместных Соборов не реже одного раза в три года. С этого времени на многие десятилетия в церковном сознании утвердился принцип соборности, представление о том, что верховную власть в Русской Православной Церкви имеет Собор из епископов, клириков и мирян, а органы Высшего церковного управления подчинены и подотчетны ему.

Святейший Патриарх Тихон весь период своего правления понимал себя в качестве Патриарха, действующего по заданию Собора, и всеми доступными ему средствами боролся за соборность Церкви, неоднократно предпринимая попытки добиться созыва нового Поместного Собора. Деятельность Священного Синода и ВЦС продолжалась вплоть до апреля 1922 г., даже неоднократные аресты Патриарха не привели к отмене их заседаний. Можно вполне согласиться с выводом, сделанным на основе богатого архивного материала историком А. Н. Кашеваровым, что «несмотря на препоны и провокации со стороны ВЧК, Высшее церковное управление продолжало в целом нормально функционировать»⁷. Намеченный на 1921 г. Собор из-за противодействия властей созвать не удалось, и формально в связи с истечением трехлетнего межсоборного срока полномочия избранных в 1917–1918 гг. членов Синода и ВЦС прекратились, но фактически они были продолжены на неопределенно долгий срок до будущего Собора, пока произошедший в мае 1922 г. обновленческий раскол не прервал их.

Несмотря на энергичные протесты против декрета «Об отделении церкви от государства» и призывы к верующим о защите православной веры и Церкви, именно Собор 1917–1918 гг. положил начало традиции поиска компромиссов с новой советской властью, уже в годы гражданской войны получившей развитие в деятельности Патриарха Тихона. После переезда весной 1918 г. советского правительства из Петрограда в Москву церковное руководство попыталось вступить с ним в непосредственные контакты. 27 марта в Совнарком пришла соборная делегация, выразившая свое несогласие с январским декретом. В ходе переговоров ей дали понять, что правительство не настаивает на толковании этого закона в худшую сторону, и он может быть дополнен новым, более либеральным декретом. Во втором заявлении церковной стороны уже отмечались лишь наиболее неприемлемые пункты, вроде национализации всех церковных имуществ. Возникла основа для компромисса. Управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич дал обещание привлечь священнослужителей к дальнейшей работе над законом о культурах, но оно так и не было выполнено. Постепенно переговоры заглохли, не приведя к реальным результатам⁸.

И все же был открыт путь к диалогу и соглашениям, делающим возможным церковную жизнь в советском обществе. В традиции соборного большинства Святейший

⁶ Подробнее см.: *Шкаровский М. В.* Александро-Невское братство 1918–1932 годы. СПб., 2003. 269 с.

⁷ *Кашеваров А. Н.* Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999. С. 103.

⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 833, оп. 1, д. 56, л. 23–25.

Патриарх Тихон 8 октября 1919 г. обратился с посланием, в котором призывал священнослужителей Русской Православной Церкви отказаться от всяких политических выступлений. Это послание появилось во время успешного поначалу наступления белогвардейских войск генерала А. Деникина на Москву, и ни о каком «приспособленчестве» в тех обстоятельствах речи быть не могло. Первосвятитель прозрел неизбежность большевизма и увидел спасение от него в духовности, а не в кровавой войне. Действительно, ставшие доступными в 1990-е гг. документы Синода и канцелярии Патриарха Тихона свидетельствуют, что первоначально прочность позиций советской власти вовсе не казалась безусловной. Например, в начале марта 1918 г. предпринимались попытки сохранить Петроградскую синодальную контору, т. к. оккупация столицы немцами представлялась Высшему церковному управлению «несомненной». Но уже 6 декабря 1918 г. Патриарх написал в Совнарком о том, что против советской власти он никаких действий не предпринимал и предпринимать не собирается, и хотя многим мероприятиям правительства не сочувствует, «не наше дело судить земные власти». Эти материалы свидетельствуют, что указанная эволюция началась раньше и была более последовательной, чем считалось прежде⁹. Эту же линию в основных чертах руководство Московской Патриархии продолжало и в более поздний период.

Существенную роль в сохранении части монастырей до начала 1930-х гг. сыграли перемены, произошедшие в жизни обитателей в 1917–1918 гг. (в том числе определение Собора «О монастырях и монашествующих» от 13 сентября 1918 г.), — введение в монастырскую жизнь выборного начала, ее оживление, превращение ряда обитателей в нравственно-религиозные центры, развитие ученого монашества, старчества и т. д. В 1918 г. некоторые обитатели были преобразованы в сельскохозяйственные артели и коммуны и в таком виде просуществовали до начала «сплошной коллективизации».

Определенное значение уже в годы гражданской войны имело рассмотрение Собором вопросов, связанных с судьбой отдельных национальных частей Российской Православной Церкви и проблем взаимоотношений с другими христианскими конфессиями. Так, 29 мая 1918 г. Собор даровал автономный статус Украинской Церкви при сохранении ею юрисдикционной связи с Российской Матерью-Церковью, что имело значительную актуальность не только тогда, но имеет и в наше время. Соборными отделами были также подготовлены доклады о Грузинской автокефалии и устройстве Православной Церкви в Финляндии, эти вопросы были разрешены уже в 1940–50-е гг., но во многом в духе готовившихся соборных решений. 3 августа 1918 г. в конце третьей сессии Собора был создан отдел по соединению церквей, который, прежде всего, работал в русле расширения контактов с Англиканской и Старокатолической Церквями. Но в это время представители всех основных христианских конфессий нередко совместно противостояли антирелигиозным акциям советских властей (попытка проведения православными, католиками и лютеранами крестного хода в защиту преподавания Закона Божия летом 1918 г. в Петрограде, ходатайства за репрессированных священнослужителей других конфессий, совместная позиция на переговорах с органами власти и т. д.). Открытие Собором 1917–1918 гг. экуменических измерений имело особое значение для значительно более позднего периода второй половины XX в.

За годы гражданской войны число архиереев Русской Церкви в результате репрессий, эмиграции и естественной смерти значительно сократилось. И здесь большую роль сыграло определение Собора от 15 апреля 1918 г. «О vicарных епископах», в соответствии с которым расширялись их полномочия и увеличивалось число vicариаств. Несмотря на значительные препятствия, это постановление было исполнено. Если в 1918 г. было совершено 4 архиерейские хиротонии, то в 1919 г. — 14, 1920 г. — 30, 1921 г. — 39 и т. д. Таким образом, число епископов выросло в несколько раз и составило в 1920-е гг. более 200. В условиях гонений, когда правящие архиереи подвергались

⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 445. Д. 246. Л. 4–19; Ф. 831. Оп. 1. Д. 293. Л. 5.

арестам, управление епархиями брали на себя находящиеся временно на свободе викарии. Причем до 1927 г. ссыльные архиереи могли занимать кафедры в городах, из которых они были удалены, сохраняя таким образом молитвенно-каноническую связь с епархией. Многочисленность епископата стала одной из причин, позволивших сохранить Русской Православной Церкви апостольскую преемственность, несмотря на жесточайшие репрессии.

К началу 1920-х гг. стало ясно, что советские власти не допустят нормального, основанного на началах соборности течения церковной жизни. Более того, они попытались разрушить созданные на Соборе 1917–1918 гг. структуры Высшего церковного управления, арестовав Патриарха, фактически ликвидировав Синод и ВЦС и организовав т. н. обновленческий раскол. Сформировав в конце мая 1922 г. свое Высшее церковное управление, обновленцы попытались овладеть уже утвердившейся в церковном сознании традицией соборности. Первоначально они публично заявляли, что Поместный Собор будет создан в самое ближайшее время. Но он состоялся почти через год после «майского переворота», и во многом из-за позиции официальных властей, которые были заинтересованы не в стабилизации ситуации в Церкви, а в дальнейшем углублении раскола. Так, 26 мая 1922 г. Политбюро приняло предложение Троцкого занять выжидательную позицию в отношении трех существующих направлений в новом церковном руководстве: 1) сохранение Патриаршества и выборы лояльного Патриарха; 2) уничтожение Патриаршества и создание коллегии (лояльного Синода); 3) полная децентрализация, отсутствие всякого центрального управления (Церковь как «идеальная» совокупность общин верующих). Ставка была сделана на усиление борьбы между различными ориентациями и оттягивание с этой целью созыва Собора. Наиболее выгодной Троцкий считал комбинацию «когда часть церкви сохраняет лояльного патриарха, которого не признает другая часть, организуемая под знаменем синода или полной автономии общин»¹⁰. Влияние сторонников Патриарха Тихона явно ошибочно недооценивалось. Считалось, что с их «остатками» без труда справятся путем репрессий.

Пиком истории обновленчества стал их «II Поместный Собор». Он открылся в Москве 29 апреля 1923 г. Надежды значительной части духовенства и верующих на то, что Собор примирит, сгладит противоречия, укажет будущий путь, не осуществились. 3 мая на нем было принято постановление, с негодованием воспринятое подавляющим большинством верующих, о лишении Патриарха Тихона сана и монашества и уничтожении Патриаршества в России. 8 мая делегация Собора была пропущена к находящемуся под домашним арестом Владыке и передала приговор, но он ответил лишь, что не согласен ни по форме, ни по существу. Собор узаконил равнозначность женатого и безбрачного епископата, а после некоторых колебаний и второбрачие клириков, был введен новый григорианский календарь. Сохранялся «культ мощей», идея «личного спасения». Монастыри же закрывались и превращались в трудовые коммуны и церковные приходы. В итоге проведенные Собором преобразования оказались относительно небольшими. Как видно из архивных документов, значительная часть делегатов сотрудничала с ГПУ, и это ведомство через них проводило желательные для него решения. А в каких-либо серьезных преобразованиях Церкви оно не было заинтересовано. Таким образом, обновленчество, по сути, являлось церковно-политическим движением.

Как справедливо отмечал профессор Г. Шульц, объявление Собора 1923 г. II Поместным Собором Русской Православной Церкви, т. е. продолжающим традиции Собора 1917–1918 гг., было неоправданной дерзостью. Широкая церковная общественность, миряне и приходы в целом по сути не играли на Соборе 1923 г. никакой роли. Приходы в основной массе отвергали обновленцев. В 1925 г. последние даже обращались к советскому правительству с просьбой изменить приходской устав, поскольку «он дает возможность кулацким элементам совета держать в кабале священника из-за

¹⁰ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 60. Д. 63. Л. 71–72.

экономической нужды под давлением совета, уходящего в тихоновщину»¹¹. Предлагалось также поставить под контроль Епархиального управления выборы клира. Таким образом, обновленческое белое духовенство хотело вытеснить из церковного управления не только монашество с епископатом, но и мирян.

После освобождения 27 июня 1923 г. Патриарха Тихона влияние обновленцев резко упало, хотя они и смогли провести т. н. III Поместный Собор в 1925 г. Вернувшись к управлению Церковью, Патриарх сразу же попытался продолжить традицию соборного руководства, объявив своим указом в соответствии с определением о Высшем церковном управлении о создании нового Синода и ВЦС до созыва будущего Поместного Собора. Из-за противодействия властей эта попытка не увенчалась успехом, и резолюцией Первосвятителя от 9 июля 1924 г. деятельность Высшего церковного управления была прекращена. Но Патриарх не прекращал усилий в поисках возможностей для созыва Собора и образования церковного управления, признанного гражданской властью. 28 февраля 1925 г. он официально обратился в НКВД с ходатайством о регистрации Временного Патриаршего Священного Синода из 7 иерархов до созыва Поместного Собора. В этом же свете, возможно, следует рассматривать и послание Патриарха к Церкви, подписанное в день его кончины 7 апреля и при опубликовании в газетах неправоммерно получившее название «Завещание». В нем указывалось: «...не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем». В этом т. н. «Завещании» Патриарх все еще говорил о «суде Православного Собора». Смерть Первосвятителя 7 апреля 1925 г. явилась большой и невосполнимой утратой для Русской Церкви. 12 апреля он был торжественно погребен в Донском монастыре. В тот же день 59 иерархов, прибывших на похороны Тихона, ознакомившись с завещанием Патриарха о Местоблюстителе, подписали заключение о вступлении в эту должность митрополита Петра (Полянского)¹².

Фактически это было Архиерейское совещание. Следует отметить важное значение постановления Собора на закрытом заседании 24 января 1918 г., когда ввиду опасного для Церкви развития политических событий Патриарху было предложено избрать несколько кандидатов в Блустители Патриаршего Престола, которые воспримут его полномочия в случае, если коллегиальный порядок избрания Местоблюстителя окажется неосуществимым. Это постановление послужило спасительным средством для сохранения канонического преемства Первосвятительского служения. Уже в 1918 г. Патриарх назначил кандидатов в Местоблюстители и доложил Собору о сделанном им назначении без оглашения имен на пленарном заседании. Как теперь известно, среди этих имен был и будущий митрополит Петр, в то время вообще не имевший архиерейского сана, что избавило его от соответствующих подозрений со стороны органов советской власти. Но хотя Владыка Петр был и назначен Патриархом Тихоном, подписи почти всех находившихся тогда на свободе российских архиереев под актом о вступлении его в должность Местоблюстителя придавали назначению характер избрания.

Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, а затем его Заместитель митрополит Сергей (Страгородский) пытались добиться разрешения властей на созыв нового Собора и выборы Патриарха. Весь период второй половины 1920-х — начала 1940-х гг. представляет собой время борьбы Русской Церкви за соборность и возрождение Патриаршества. В этой связи можно вспомнить неудачную попытку провести в тайне от властей заочное избрание Патриарха в 1926 г. через сбор подписей архиереев. Владыка Сергей, возглавивший Церковь после ареста митрополита Петра, пойдя на ряд существенных уступок властям, весной 1927 г. получил предварительное согласие на возможный созыв Собора.

¹¹ Вестник Священного Синода. 1925. № 2.

¹² Известия ВЦИК. 1925. 15 апреля.

18 мая 1927 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя созвал в Москве совещание епископов, на котором выступал с проектом организации Временного Патриаршего Священного Синода (ВПСС) из 8 членов. 20 мая НКВД сообщил митр. Сергию, что «препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается» (Синод был утвержден в августе). 25 мая состоялось официальное заседание ВПСС, в тот же день по епархиям было разослано постановление, в котором правящим архиереям предлагалось организовать при себе временные (до избрания постоянных) епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. При викарных епископах предписывалось учреждать благочиннические советы. Так было положено начало работе по созданию на «законных основаниях» всей церковно-административной структуры Патриархата¹³. Однако проведение Собора и выборы Патриарха власти в то время так и не разрешили. Более того, с рубежа 1928–1929 гг. началась длительная полоса крайне воинственного, нетерпимого отношения к Церкви.

Далеко не все представители духовенства и мирян одобрили курс митр. Сергия. В 1927–1928 гг. появилось довольно значительное течение т. н. «непоминающих» (за богослужением) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Но, как и сторонники митр. Сергия, «непоминающие» свои надежды во многом возлагали на будущий Собор, который разрешит все разногласия. Апеллировали они и к авторитету Поместного Собора 1917–1918 гг. Так, одним из основных требований всех «непоминающих» было отстаивание соборного постановления от 15 августа 1918 г. о свободе политической деятельности членов Церкви.

Почти все 1930-е гг. гонения на Церковь шли по нарастающей, достигнув своего пика в 1937–1938 гг., когда было репрессировано по церковным делам 165 тыс. человек, из них 107 тыс. расстреляно¹⁴. Был уничтожен почти весь епископат, 18 мая 1935 г. митр. Сергий по требованию властей распустил Временный Патриарший Синод. Церковная организация была почти полностью разрушена, однако осталось множество верующих людей, что наглядно показали результаты переписи 1937 г., когда 56,7 % населения (более 55 млн человек) заявили о своей вере в Бога. В том, что Церковь в этот период выстояла, особое значение имели такие плоды работы Собора 1917–1918 гг., как оживление приходской жизни и увеличение в ней роли женщин. Не считаясь со смертельной опасностью, прихожане повсеместно оказывали сопротивление закрытию храмов. И подавляющее большинство в составе приходских советов в 1930-е гг. составляли женщины. Они продемонстрировали удивительное бесстрашие и стойкость в самоотверженном служении Церкви. Именно женщины ехали в ссылки, чтобы сопровождать и спасать от смерти своих пастырей, давали приют гонимым и обеспечивали подпольную жизнь и церковную службу. Появилось много подвижниц, не постриженных в монашество, но живших по-монашескому, возникли сотни т. н. «монастырей в миру». Все это позволило Церкви не только выстоять, но и возродиться, как только внешние обстоятельства изменились.

Если на территории СССР в 1920–30-е гг. провести Собор оказалось невозможно, то за границей в среде русской церковной эмиграции соборная традиция получила определенное продолжение. 21 ноября 1921 г. на территории Югославии в Сремских Карловцах состоялось первое заседание Общецерковного заграничного собрания, переименовавшего себя вскоре в Русский Всезаграничный Церковный Собор. В его состав вошли почти все оказавшиеся за рубежом русские архиереи и члены Поместного Собора 1917–1918 гг., а также делегаты от приходов, эвакуированной армии и монашествующих. Карловацкий Собор образовал Высшее церковное управление (в составе Архиерейского Синода и Высшего Церковного Совета). Однако он, помимо церковной, занялся и чисто политической деятельностью, обратившись к чадам Русской Церкви с призывом о восстановлении монархии в России. Это стало одной из причин постановления органов Высшего церковного управления

¹³ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви... С. 414–417.

¹⁴ Яковлев А. Н. По мощам и елей. М., 1995. С. 94–95.

под председательством Патриарха Тихона от 5 мая 1922 г. о признании Карловацкого Собора не имеющим канонического значения.

В дальнейшем в эмиграции неоднократно проходили Архиерейские Соборы, а в августе 1938 г. в Сремских Карловцах состоялся т. н. II Русский Всезарубицкий Собор с участием епископов, клириков и мирян, на котором, правда, была представлена далеко не вся церковная эмиграция. После начала Великой Отечественной войны члены Архиерейского Синода Зарубежной Русской Православной Церкви осенью 1941 — весной 1942 г. составили несколько проектов организации высшей церковной власти в России. Центральной мыслью этих проектов была необходимость созыва в Москве «Собора русских архиереев старейшим из них и назначение этим Собором временного главы Церкви и остального церковного управления», «которое впоследствии созвало бы и Всероссийский Собор для восстановления Патриаршества и суждения о дальнейшем устройстве Русской Церкви»¹⁵.

Даже после страшных репрессий и чисток 1930-х гг. центральная роль и программа Собора 1917–1918 гг. не была забыта и в России. Он продолжал оставаться для верующих своего рода «церковным маяком», своеобразным идеалом, к которому нужно стремиться. Первое после многолетнего перерыва совещание епископов состоялось в марте 1942 г. в Ульяновске (на нем было осуждено создание автокефальной Украинской Православной Церкви). А 8 сентября 1943 г. после известной встречи в Кремле И. Сталина с тремя митрополитами в Москве состоялся Архиерейский Собор, на котором 19 иерархов единогласно избрали Патриархом митрополита Сергия, а также приняли решение о восстановлении синодального управления. В условиях тех лет невозможно было вернуться к постановлениям Собора 1917–1918 гг. Новый Синод из 3 постоянных и 3 временных членов образовали при Патриархе. Прежний, более самостоятельный статус Синода в годы гонений был утрачен, к тому же опыт 1920–30-х гг. показал особую ответственность первосвященнического служения в пору агрессии воинствующего безбожия, расколов и разделений.

После смерти Патриарха Сергия (15 мая 1944 г.) 21–23 ноября в Москве состоялся Собор епископов, на котором был обсужден проект положения об управлении в Церкви и определен порядок избрания Патриарха. При обсуждении последнего вопроса архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) напомнил постановление Поместного Собора 1917–1918 гг. о том, что Патриарх должен избираться тайным голосованием и жребием из нескольких кандидатов. Это предложение не встретило поддержки, был выдвинут единственный кандидат — митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский). 31 января 1945 г. в Москве начал свою работу Поместный Собор Русской Православной Церкви. Такого полномочного собрания ее духовенства и мирян не было с 1918 г. На Собор были также впервые приглашены православные Патриархи и их представители из Румынии, Болгарии, Сербии, стран Ближнего Востока, Грузии, зарубежные русские иерархи. Значительную сложность в тех условиях представляло уже размещение и обеспечение всем необходимым 204 участников. Собор вообще стал единственным, исключая военные, правительственные совещания, собранием такого масштаба в годы войны.

Этот Собор, как и Собор 1943 г., не имел возможности восстановить традиции, заложенные в 1917–1918 гг. Иная обстановка заставляла не восстанавливать прежнее, а создавать новое церковное устройство. На Соборе было принято «Положение об управлении Русской Православной Церковью», в котором не содержалось указаний о необходимости созыва новых Соборов в определенные сроки. Поместные Соборы должны были собираться лишь когда имелась необходимость выслушать голос клира и мирян и существовала «внешняя возможность», при этом все же Поместному Собору принадлежала высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда. Права Патриарха, по сравнению с имевшимися ранее, согласно

¹⁵ Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке. Д. 15/41. Л. 7. 10–12, 27–30.

решениям Собора 1917–1918 гг., возрастали. Усиливалась и единоличная власть епископа, избрание которого оставалось прерогативой Священного Синода под председательством Патриарха, а утверждение архиерея уже целиком принадлежало патриарху. Епископ мог учреждать Епархиальный совет, этот коллегиальный орган создавался лишь в соответствии с его волей. О благочиннических собраниях и советах в 1945 г. речь не шла, как и о выборности благочинных. Не произошло и восстановления Приходского устава: согласно «Положению», настоятель прихода не зависел от органов приходского управления, имея непосредственное подчинение епархиальному архиерею. Патриархом единогласно был избран митрополит Алексий (Симанский), интронизация которого состоялась 4 февраля 1945 г.

Таким образом, о возрождении идеи соборности в 1945 г. говорить нельзя. До 1971 г. новых Поместных Соборов не созывали, более 15 лет не было и Архиерейских Соборов. Хотя предпринимались отдельные попытки провести совещания епископов во время их собраний по случаю различных церковных празднеств, пытались и путем письменного опроса архиереев создать нечто напоминающее соборный процесс. Состоявшийся наконец, после долгого перерыва, в июле 1961 г. Архиерейский Собор был проведен по инициативе советского руководства в период т. н. «хрущевских гонений» на Церковь. В тех условиях Патриарху пришлось пойти даже на изменения «Положения об управлении Русской Православной Церковью». Суть навязанной руководством Патриархии «церковной реформы» заключалась в отстранении священнослужителей от руководства приходами. Роль главы общины переходила от настоятеля к исполнительному органу — приходскому совету, которому передавалась вся финансово-хозяйственная деятельность.

«Реформа» во многом разрушила традиционное управление Церкви, ее организация юридически расчленилась. Священнослужители отделялись от приходской жизни и должны были наниматься общиной по договору для «исполнения религиозных потребностей». Духовенство не допускалось на собрание, избравшее церковный совет, куда власти, имевшие законное право отвода его членов, постепенно вводили своих людей. Фактически же руководителями приходской жизни становились старосты, назначавшиеся районными исполкомами из людей, часто совершенно нецерковных и иногда даже неверующих, морально весьма сомнительных. Без их согласия священник или епископ не могли принять на работу или уволить даже уборщицу в храме. Юридический статус архиереев и Патриарха вообще никак не оговаривался, в правовом отношении их как бы не существовало, и они не имели никакой законной формы связи с приходской жизнью.

18 апреля 1961 г. Священный Синод принял навязанное Советом постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни». Утвердить его должен был намеченный на 18 июля Архиерейский Собор. Власти беспокоило, как бы он не «вышел из-под контроля» и не отверг бы проводимой «реформы». Трех архиереев, которые высказались отрицательно о постановлении Синода, не пригласили на Собор, а архиепископа Ермогена (Голубева), который явился без приглашения, не допустили к заседанию. Собор утвердил изменения в «Положении об управлении Русской Православной Церкви», а также увеличил число постоянных членов Синода, принял решение о вступлении во Всемирный Совет Церквей и одобрил участие во Всемирном общехристианском конгрессе в защиту мира¹⁶.

Начавшиеся в 1958 г. новые жестокие антирелигиозные гонения стали причиной появления движения церковных диссидентов, которое на первом этапе (до 1970 г.) находилось в значительной части в юрисдикции Московской Патриархии. Одним из источников этого движения были остатки православных братств, возникших в 1917–1920-е гг., продолжателями их деятельности стали некоторые молодежные религиозные семинары. Часть церковных диссидентов продолжала традицию

¹⁶ *Одинцов М. И.* Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (Десять лет из жизни патриарха Алексия. 1955–1964 гг.) // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 65–73.

своеобразно понятой идеи соборности. Так, существовавшая в 1964–1967 гг. крупнейшая подпольная организация в СССР, «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа», ставил своей целью построение в стране социал-христианского строя с верховным органом власти — Всероссийским Верховным Собором, в котором не мене трети мест принадлежало бы духовенству¹⁷.

Летом 1965 г. группа архиереев подала Патриарху Алексию I заявление с предложением внести поправки в редакцию «Положения о Русской Православной Церкви», принятую Архиерейским Собором 1961 г. В этом проекте предлагалось ввести настоятелей в состав приходских собраний и приходских советов в качестве председателей. Документ, составленный архиепископом Ермогеном (Голубевым), подписало еще семь архиереев, однако успеха он не имел. Недовольство решением Собора 1961 г. выражалось и в известных открытых письмах 1965 г. священников Московской епархии Глеба Якунина и Николая Эшлимана.

Настоящий всплеск религиозного инакомыслия вызвал Поместный Собор, состоявшийся 30 мая — 20 июня 1971 г. Он рассматривался многими в русле зародившейся в 1917 г. соборной традиции как высший орган управления Церковью, способный исправить все наиболее значительные недостатки в церковной жизни. В его адрес было отправлено несколько открытых писем. Одно из них — «Обращение к Поместному Собору Русской Православной Церкви по поводу богословской деятельности высокопреосвященного Никодима, митрополита Ленинградского и Новгородского и других единомысленных ему лиц» — содержало резкую критику этой деятельности. Его авторы, священник Николай Гайнов, миряне Ф. Карелин, Л. Регельсон, В. Капитанчук, попытались начать внутри Церкви дискуссию по богословским вопросам. С другим документом обратились к Собору священник Георгий Петухов, иеродиакон Варсонофий (Хайбулин) и мирянин Л. Фомин, призывая добиться у государства открытия церквей и монастырей, преподавания Закона Божия в школах и т. п. Иркутский священник Евгений Касаткин также отправил послание, описывая пагубные последствия реформы 1961 г. в приходской жизни. Подобное же требование выражали и не менее 5 архиереев. Наиболее известное заявление было подано архиепископом Иркутским Вениамином (Новицким).

На состоявшемся накануне открытия Собора архиерейском совещании 26 мая 1971 г. архиепископ Бельгийский Василий (Кривошеин) также выступил против «реформы 1961 г.», но поддержан большинством архиереев не был. На Поместном Соборе 1971 г. Церкви снова было навязано желательное для советской власти решение, было утверждено определение Архиерейского Собора 1961 г. Кроме того, епископы единогласно высказались за избрание Патриархом митрополита Крутицкого Пимена (Извекова). Наконец, Поместный Собор своим решением от 2 июля 1971 г. отменил клятвы на старые (дониконовские) обряды и на лиц, их придерживающихся. Здесь, несомненно, был использован положительный опыт определения Собора 1917–1918 гг. о единоверии.

Первые серьезные изменения в своем негативном отношении к Церкви советские власти были вынуждены провести в 1988 г. В этом году состоялся Поместный Собор, приуроченный к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Именно он еще в советских условиях смог частично возродить соборную традицию и вернуть в практику церковной жизни некоторые определения Собора 1917–1918 гг. Был принят новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви», согласно которому Соборы планировалось созывать с определенной периодичностью, в частности, Поместный Собор — не реже одного раза в пять лет. Это можно считать возвращением к идеям Собора 1917–1918 гг. При этом, как и прежде, указывалось, что высшая власть в области вероучения, церковного управления и суда принадлежит Поместному Собору. Патриарх, согласно Уставу, имеет первенство чести среди архиереев и подотчетен

¹⁷ Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. Париж : YMCA-press, 1975. С. 7, 100.

Собору. Управление Церковью он осуществляет совместно со Священным Синодом, число временных членов которого увеличилось до пяти.

Устав восстанавливал и предусмотренные Собором 1917–1918 гг. епархиальные собрания. Они получали полномочия избирать сроком на один год половину членов епархиального совета, при помощи которого архиерей должен осуществлять управление епархией. Основные положения 8-й главы Устава («Приходы») были приведены с учетом исторических реалий конца 1980-х гг. в соответствии с решениями Собора 1917–1918 гг. Так, определение прихода, данное новым Уставом, практически совпадало с формулировкой 1918 г., так же как и характеристика состава приходского причта. Впрочем, в отличие от Приходского устава 1918 г., члены причта теперь могли быть увольняемы не только по суду и собственному прошению, но и «по церковной целесообразности». По сравнению с определением 1961 г. права настоятеля храма были существенно расширены, он становился председателем приходского собрания. Председателем же приходского совета мог быть и мирянин.

На Соборе 1988 г. обсуждались и вопросы о необходимости увеличивать выпуск религиозной литературы, открывать новые духовные учебные заведения. После Собора 1917–1918 гг. в силу негласного запрета властей вопросы канонизации не могли быть поставлены открыто. И вот теперь этот запрет оказался преодолен, Собор 1988 г. прославил к общецерковному почитанию 9 святых, живших в XIV–XIX вв. К празднику 1000-летия Крещения Руси Богослужбная комиссия подготовила «Чинопоследования праздника Крещения Руси». Согласно Уставу, служба Господу Богу в память Крещения Руси должна предшествовать и соединяться со службой всем святым, в земле Российской просиявшим. Таким образом, завет Собора 1917–1918 гг. был окончательно выполнен через 70 лет. В целом же на Соборе 1988 г. впервые за все годы советской власти духовенство и миряне могли открыто обсуждать насущные церковные проблемы. И образцом, на который следует равняться, для них был Великий Собор 1917–1918 гг.

Через год, 9–11 октября 1989 г., состоялся Архиерейский Собор, одним из важнейших решений которого стала канонизация Патриарха Тихона. Также было заявлено о необходимости возрождения приходской жизни. В связи с подготавливавшимся тогда законом «О свободе совести» Церковь заявила о необходимости внесения в него пункта о признании юридическим лицом церковной организации в целом. Таким образом, на Архиерейском Соборе был открыто поставлен вопрос о пересмотре дискриминационных для Церкви отношений с государством.

Последний в советский период Поместный Собор состоялся вскоре после кончины Патриарха Пимена (3 мая 1990 г.). На предшествовавшем Архиерейском Соборе впервые с 1917 г. тайным голосованием были избраны три кандидата на Патриаршью кафедру. Делегаты открывшегося 7 июня 1990 г. Поместного Собора выдвинули еще несколько кандидатур, но ни одна из них не получила необходимой поддержки. Прозвучало даже предложение использовать, как в 1917 г., для избрания Патриарха жребий, но большинство соборян его не поддержало. Так традиции Собора 1917–1918 гг. напомнили о себе. Голосование было тайным. Во втором туре большинство получил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Ридигер), ставший пятым в истории СССР Патриархом. Собор 1990 г. принял решение о канонизации отца Иоанна Кронштадтского и поручил Комиссии по канонизации святых подготовить материалы к прославлению новомучеников, пострадавших за веру в XX в. Обращение к подвигу новомучеников свидетельствовало о том, что Русская Церковь помнит о бывших гонениях и надеется на восстановление соборной жизни, обратившись к опыту Собора 1917–1918 гг.¹⁸

Следует вспомнить, что именно этот Собор принял определение: «Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений за гонимых ныне за Православную веру и Церковь и скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках... Установить

¹⁸ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918-е гг.). М. : Духовная библиотека, 2002. С. 570–573.

по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января или в следующий за ним воскресный день... исповедников и мучеников»¹⁹. Важное значение в церковной жизни теперь стали играть и другие тематически близкие определения Собора «О порядке прославления святых к местному почитанию» от 3 сентября 1918 г. и «О восстановлении празднования дня памяти всех святых Российских» (в неделю 2-ю по Пятидесятнице) от 13 августа 1918 г. Уже в 1992 г. определением Архиерейского Собора был установлен Собор новомучеников и исповедников Российских (в неделю, ближайшую после 25 января), а в 1993 г. Комиссия по канонизации восстановила порядок канонизации местных святых XI–XVII вв., принятый Собором 1917–1918 гг.

Подводя итог, следует сделать вывод, что весь период существования СССР Русская Православная Церковь боролась за сохранение и возрождение принципа соборности, руководствуясь, насколько это было возможно в тех условиях, определениями Собора 1917–1918 гг. Огромный, в значительной степени до сих пор не реализованный на практике комплекс определений и опыт работы Собора сохраняют актуальность и сегодня. Лишь относительно недавно в России началось научное исследование его деяний, и оно активно продолжается в настоящее время.

Источники и литература

1. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 60. Д. 63.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по С.-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-88399.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. д. 713.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 445. Д. 246; Ф. 831. Оп. 1. Д. 293; Ф. 833. Оп. 1. Д. 56.
5. Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке. Д. 15/41. Л. 7. 10–12, 27–30.
6. Центральный государственный архив С.-Петербурга. Ф. 143. Оп. 3. Д. 5.
7. Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. Париж : YMCA-press, 1975.
8. *Кашеваров А. Н.* Церковь и власть : Русская православная церковь в первые годы советской власти. — СПб. : Изд-во С-Петербур. гос. техн. ун-та, 1999. — 328 с.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 16 т. Т. 2. — М. : Политиздат, 1983.
10. *Одинцов М. И.* Письма и диалоги времен «хрущевской оттепели» (Десять лет из жизни патриарха Алексия. 1955–1964 гг.) // Отечественные архивы. — 1994. — № 5. — С. 65–73.
11. *Поспеловский Д.* Русская православная церковь в XX веке. — М. : Республика, 1995. — С. 45.
12. *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945. — Париж, YMCA-press, 1977.
13. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. — Вып. 3. — М., 1994.
14. *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). — М. : Духовная библиотека, 2002. — С. 570–573.
15. *Шкаровский М. В.* Александро-Невское братство 1918–1932 годы. СПб. : Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003. — 269 с.
16. *Яковлев А. Н.* По мощам и елей. — М. : Евразия, 1995. — 192 с.
17. Вестник Священного Синода. 1925. № 2.
18. Известия ВЦИК. 1925. 15 апреля.
19. Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. 27 февраля, 4 мая.
20. Церковные ведомости. 1918. № 3–4.

¹⁹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. Вып. 3. М., 1994. С. 55–56.

Mikhail Shkarovskiy. All-Russian Local Council of 1917–1918: Its Influence in the Life of Church in the Soviet period.

The All-Russian Local Council of 1917–1918 was a notable phenomenon in Christian history, and a number of its decisions were ahead of their time in terms of the treatment of the topic elsewhere in the Christian world. Of course, the Council had the greatest importance for the Russian Orthodox Church. In fact, a program was created for the existence of the Russian Church in a new era, and although many of the principles and provisions of the Council could not be realized in practice during the Soviet period, they continued to live in the consciousness of the clergy and laity, determining their actions and way of thinking. In fact, throughout the entire period of the existence of the USSR, the Russian Orthodox Church fought for the preservation and revival of the principle of conciliarity, guided, as far as possible under those conditions, by the definitions of the Council of 1917–1918. Largely not yet implemented in practice, the large set of decisions of the Council and the conciliar experience of the Council remain relevant today. The scientific study of the acts of the Council began in Russia only a few years ago and is actively continuing at present.

Keywords: Russian Orthodox Church, All-Russian Local Council of 1917–1918, Soviet period, Russian revolution, reforms.

Mikhail Vitalyevich Shkarovsky — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Central State Archives of St. Petersburg, Professor at St. Petersburg Theological Academy (shkarovs@mail.ru).